

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 14

Москва
2014

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Максимов Л.В.</i> Мораль в единственном числе	5
<i>Гельфонд М.Л.</i> К вопросу о соотношении морали и цивилизации	25
<i>Сырودهева А.А.</i> Малое и большое: открывая другую сторону	35
<i>Прокофьев А.В.</i> Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы	43

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Апресян Р.Г.</i> Проблема Другого в философии Аристотеля	65
<i>Зубец О.П.</i> Об одном месте из «Никомаховой этики»	86
<i>Гечмен Д.</i> Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души–тела в философии Адама Смита	111
<i>Аванесов С.С.</i> Автономия воли: Кант и Шопенгауэр о бесцельности нравственного действия	148
<i>Сочилин А.А.</i> Этический смысл различения Гегелем «моральности» и «нравственности»	160
<i>Белов В.Н.</i> Этика в системе философского критицизма Германа Когена	174
<i>Троицкий К.Е.</i> Макс Вебер как Анти-Толстой	200
<i>Кашуба М.В.</i> Этика в философских курсах профессоров Киево-Могилянской академии	217
<i>Плотников Н.С.</i> Очерк о феноменологической этике Д.И.Чижевского	240
<i>Демидова Е.В.</i> Отсутствие Другого в философии поступка М.М.Бахтина	271
Резюме	289
Summary	294
Об авторах	299

А.В. Прокофьев

Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы¹

Дискуссия об абсолютности морали

Мое обращение к таким частным проблемам, как история становления и нормативно-теоретическая релевантность доктрины двойного эффекта, связано с исследованием гораздо более общего, фундаментального для этики вопроса об абсолютности морали. Приписывая характеристику абсолютности этому феномену, теоретики имеют в виду, что нарушение моральных требований является категорически недопустимым вне зависимости от мотивов и соображений, которые к нему ведут. Однако при этом абсолютность понимается как атрибут разных проявлений морали. С этим связана неоднозначность смысла таких понятий, как «абсолютная мораль» и «абсолютизм» (если последнее применяется по отношению к жизнеучениям и нормативным этическим теориям). Первое понимание абсолютизма охватывает исключительно сторонников абсолютизации какой-то целостной моральной доктрины, многосторонне задающей контуры совершенной человеческой жизни. Второе понимание добавляет к ним сторонников абсолютизации небольшого набора основополагающих надситуативных требований, из которых прямо следуют поступки определенного рода. Третье понимание включает и тех, кто считает абсолютными такие принципы или ценностные установки, практические выводы из которых позволяет сделать лишь анализ конкретной уникальной ситуации. За пределами абсолютизма в последнем случае остаются только те теоретики,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00189а («Запрет на применение силы: моральный статус и практические конкретизации»).

для которых моральные понятия носят формальный (или бланкетный) характер, то есть заполняются любым нормативным содержанием. В дальнейшем я сосредоточусь на теоретическом конфликте, который связан со вторым пониманием абсолютности морали.

Для прояснения его сути можно привести развернутый пример из дискуссий последнего времени, ведущихся в отечественной этике. Подчеркнуто абсолютистский характер имеет концепция «негативной этики» А.А.Гусейнова. Один из ее лейтмотивов состоит именно в защите абсолютности морали, поскольку «отказ от идеи абсолютной морали чреват тем, что за абсолютную может быть выдана любая относительная ценность»². Однако, с точки зрения А.А.Гусейнова, абсолютно в морали далеко не все: «Мораль в качестве абсолютной ценности не может сказать, что следует делать... но она может сказать и говорит о том, чего ни при каких условиях делать нельзя»³. Отсутствие условий для выполнения нормы (в виде описания особых ситуаций, в которых она действует) задано, по мнению А.А.Гусейнова, самой спецификой запрета в качестве морального требования. «Если в поступке выделить его всеобщий принцип (задаваемый разумом канон) и конкретную, каждый раз частную материю, то в позитивном поступке (исполнении предписания) представлены оба момента. Негативный поступок (исполнение запрета) представляет собой урезанный поступок в том смысле, что он ограничивается всеобщим принципом. Здесь принцип (разумная основа, закон) поступка и сам поступок в своей непосредственности, индивидуализированности полностью совпадают. Следовательно, одного принципа достаточно для того, чтобы он состоялся»⁴. «Абсолютными без каких либо ограничений», по мнению А.А.Гусейнова, можно считать два запрета: запрет на насилие («не убий!») и запрет на ложь («не лги!»). «Они негативно очерчивают бытие индивидов в качестве нравственно зрелых личностей, субъектов индивидуально ответственного поведения, запрещая одному человеку подчинять себе волю другого, будь то путем физического принуждения (насилия) или путем обмана»⁵.

² Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // *Вопр. философии*. 2003. № 3. С. 12.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Гусейнов А.А. Ответ на вопрос «Что такое мораль?» // *Мораль: многообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию акад. А.А.Гусейнова / Отв. ред. О.П.Зубец. М., 2014. С. 287.*

Стоящий на противоположной позиции Р.Г.Апресян высказывает мнение, что нечувствительное к ситуации исполнение запрета, теоретически оформляемое с помощью формулировки «запрет абсолютен», легко может стать одной из «предпосылок осуществления злодейства». «Если и говорить об абсолютном, т. е. непрекаемом и исключительном требовании, – утверждает он, – то это... требование противостояния злу»⁶. В той части нормативного содержания морали, в которой для критикуемого им подхода доминируют запреты на совершение действий определенного рода (на насилие и ложь), по его мнению, должно доминировать контекстуализируемое «требование непричинения вреда», практически выражающееся как в самоограничении, так и в ограничении действий других людей. Принцип ненасилия, в свою очередь, рассматривается им как лишенный безусловности минимум всего лишь одной из нравственных ценностей – справедливости⁷.

Объект своей критики Р.Г.Апресян часто именуется «этическим абсолютизмом», «абсолютистским этическим сознанием», «форсированно абсолютистским пониманием морали»⁸, однако, не считает возможным применять к собственной позиции определение «релятивистский», поскольку в ее рамках «задача противостояния злу абсолютна»⁹. Причины возникновения «форсированно абсолютистского понимания морали» он видит в некоторых абберациях теоретического сознания: «Отвлеченно спекулятивное восприятие морали выражается в том, что моральные принципы и ценности берутся в изолированности их формулировок, как бы самодостаточными. Но ведь они существуют в определенных ценностных, нормативных, практических контекстах, а иначе – только в головах мыслителей, оторванных от жизни»¹⁰. Сторонники абсолютности конкретных требований «говорят на самом деле о действиях, а не

⁶ Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Р.Г.Апресяна / Отв. ред. О.В.Артемяева, А.В.Прокофьев. М., 2013. С. 52.

⁷ *Апресян Р.Г.* Свобода в справедливости // Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень, 2006. С. 45–46.

⁸ *Апресян Р.Г.* Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии // *Вопр. философии.* 2010. № 9. С. 146–148.

⁹ Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 57.

поступках. В морали, как все мы понимаем, ключевым является не действие, а поступок, т. е. действие в единстве с мотивами и последствиями. Механически однозначной и тем более априорной связи между действием и поступком по формуле “если *d*, то *p*”, нет. Перед человеком вообще, а тем более перед человеком как моральным агентом всегда стоит задача понимания *конкретной ситуации* и *возможных последствий* (курсив мой. – А.П.) своих действий, т. е. этического значения своих поступков¹¹.

В зарубежной этике термин «моральный абсолютизм» часто приобретает тот же смысл, что и в представленном выше теоретическом противостоянии. Так, известный современный католический мыслитель Дж.Финнис полагает, что абсолютизм делает акцент не на «абсолютности норм» как таковой, а на «*внутренней нравственной неправильности действий*» (курсив мой. – А.П.). Подлинно абсолютные нормы «идентифицируют такие типы действий, которые можно выделить в качестве потенциального предмета выбора безотносительно к каким бы то ни было оценочным терминам, предполагающим моральное суждение о них. Однако эта неоценочная характеристика позволяет моральному размышлению сделать вывод, что выбор любого из таких действий должен быть исключен из обсуждения и из поведения». Отсюда следует главная характеристика абсолютной нормы – «отсутствие исключений из нее... вне зависимости от (дальнейших) обстоятельств»¹². Такие исключения нельзя даже мысленно и в порядке предположения рассматривать в качестве возможной для морального субъекта линии поведения. Однако, по мнению Дж.Финниса, абсолютистской не является позиция, которая хотя и выдвигает категорические требования, но вводит в них оценочные (моральные) термины, такие как, например, «несправедливость». Подобную позицию нельзя назвать проявлением абсолютизма, поскольку разговор об отсутствии исключений оказывается в ее рамках поверхностным или даже бессмысленным. Ведь в исходное понимание справедливости могут быть имплицитно заложены любые практические исключения (любые действия, получающие оправдание в свете борьбы с несправедливостью). Понятие «зло» из представленного

¹¹ Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном. С. 52–53.

¹² *Finnis J. Moral Absolutes: Tradition, Revision, and Truth.* Washington (DC), 1991. P. 2–3.

выше рассуждения Р.Г.Апресяна также является оценочным термином. И значит, в перспективе определений Дж.Финниса данное рассуждение построено на отрицании моральных абсолютов.

Дж.Финнису вторит видный современный философ права Дж.Уолдрон. В своей недавней работе «На что похожи моральные абсолюты?» он освобождает обсуждение морального абсолютизма от связи с такими метаэтическими проблемами, как вопрос об объективности или «реальном» характере нравственных ценностей, оставляя лишь один критерий для выделения этого явления: теоретик-абсолютист указывает на действия, которые ни при каких обстоятельствах не могут совершаться в качестве исполнения моральной обязанности. «Простейшая моральная структура – это просто набор безусловных “не” (имеются в виду “не убий”, “не укради” и т. д. – *А.П.*), занимающих выдающееся положение и лишенных каких-либо дополнений. Если мы предположим, что они не конфликтуют между собой, поскольку все они являются запретами на действие, миллион которых можно выполнить одновременно, то очевидным выводом из простого их присутствия в моральном кодексе было бы то, что они предъявлены категорически и без исключений... Вполне возможно, что в моральном кодексе они являются такими же базовыми элементами, как запреты, лежащие в основании здания права. Может быть, мы начинаем нашу мораль именно с простых категорических правил...»¹³. Если эти правила могут быть обоснованы с использованием исключительно деонтологических доводов, то есть доводов, не опирающихся на анализ последствий действия в свете суммирования всех затронутых интересов, то лишить их абсолютного статуса невозможно.

Применительно к проблеме применения силы, которой я планирую ограничиться, обсуждая и моральный абсолютизм, и доктрину двойного эффекта, упомянутые мной три теоретика-абсолютиста занимают разные позиции. Они по-разному воспринимают границы допустимого поведения, установленные моралью в этой сфере. Однако если исходить из самого по себе тезиса о том, что мораль покоится на не приемлющих никаких исключений запретах, которые содержат характеристику конкретных поступков, то идея ненасилия имеет существенные преимущества перед своими конкурентами.

¹³ *Waldron J. What Are Moral Absolutes Like? // Harvard Review of Philosophy. 2012. Vol. 18. № 1. P. 7.*

Она органична для абсолютистской позиции, поскольку дает возможность одновременно добиться максимальной точности и максимальной обобщенности нравственного требования¹⁴.

Итак, в отношении вопроса об оправданности применения силы в этической теории имеют место абсолютистская, деонтологическая позиция и ее альтернатива, которая может быть охарактеризована как в каком-то смысле релятивистская и уж точно – как опирающаяся на консеквенциалистскую и ситуационистскую логику. Каковы причины возникновения этого противостояния? Р.Г.Апресян усматривает истоки абсолютизма в том, что принадлежащие к этому течению этики не понимают комплексного характера морали как живого явления, подменяют его теоретической (спекулятивной) схемой. Однако если это и имеет место, то лишь в силу более глубоких причин, чем сугубо теоретическая зашоренность. Абсолютизм порожден подозрением в том, что противоположная позиция является прямым путем к вседозволенности при выборе средств для достижения морально оправданной цели, к утверждению о том, что неблагоприятные обстоятельства могут заставить человека, искреннее стремящегося реализовать нравственный идеал, совершить любые действия. В случае применения силы – допустить любые его масштабы и любые формы. Аргумент отталкивается от описания определенного обращения с другим человеком (например, убийства, убийства невиновного, обвинительного судебного приговора лицу, которое не совершало преступление, последующего наказания такого лица, применения пыток) и завершается вопросом: «Неужели вы и на это готовы пойти, реализуя нравственный идеал, который с вашей же точки зрения предполагает признание в качестве высшей ценности достоинства каждого человека?» Этот аргумент имеет очевидную интуитивную притягательность: моральный субъект в ужасе отшатывается от разверзнувшейся перед ним бездны¹⁵. В частном случае «фор-

¹⁴ Важную роль «точности» описания предосудительных поступков в рамках абсолютистской этики подчеркивают все три упомянутых теоретика-абсолютиста. Дж.Уолдрон предпринимает попытку разотождествить «точность» и «простоту» абсолютного запрета, тем самым оказываясь ближе к консеквенциалистской или ситуационистской позиции (см.: Ibid. P. 9).

¹⁵ В беседе с Р.Г.Апресяном на более глубокие, нетеоретические корни абсолютистской позиции, связанные с «опасностью оправдания любого поступка», указывает О.В.Артемова (Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном. С. 58).

сированной абсолютизации» принципа ненасилия, то есть наиболее строгого варианта абсолютизма в этой сфере, предполагается, что сама по себе попытка оправдать применение силы неизбежно ведет нас к принятию противоположной (консеквенциалистской и ситуационистской) позиции со всеми ее печальными следствиями.

Что вдохновляет противников абсолютизма? Не менее притягательный интуитивно аргумент от предотвращения катастрофических последствий. Дж. Уолдрон иллюстрирует его использование на примере рассуждения И. Бентама о пытке преступника, позволяющей спасти много невинных людей от смерти или жестокого обращения. В тот момент, когда абсолютист нарисовал картину отвратительного действия, немислимого в качестве проявления моральности, консеквенциалист рисует собственную картину, касающуюся уже непредотвращенных бедствий и потерь, и предлагает свой вопрос: «Неужели вы и это готовы допустить, реализуя нравственный идеал, который с вашей же точки зрения предполагает признание в качестве высшей ценности достоинства каждого человека?»¹⁶. В случае с абсолютизмом ненасилия к противоречию с логикой предотвращения катастроф добавляются противоречия с простейшими интуициями в отношении самообороны и крайней необходимости.

Принципиальный противник консеквенциалистской этики – Г.Э.М.Энском – не чувствует этой его подоплеки. Для нее моделирующие ситуацию предотвращения катастрофы этики-консеквенциалисты просто идут на поводу у дурных инстинктов толпы, склонной восхвалять «плохие действия»¹⁷. Однако это, конечно, не так. Ведь перед абсолютистом разворачивается не менее страшная бездна: его позиция ведет к появлению такого пространства, в котором гибель и страдание ни в чем не повинных людей от рук злодеев или действия безличных сил могут возрастать неограниченно. Таким образом, столкнувшись с рассуждением И. Бентама, абсолютист вынужден решать двойную задачу: а) не потерять отчетливые контуры (границы) морально допустимого, б) не разойтись полностью с нравственным здравым смыслом. Поэтому он пытается нащупать край, отступая шаг за шагом от идеи ненасилия: сначала – к обоснованию возможности силового противостояния агрессору, а

¹⁶ Waldron J. What Are Moral Absolutes Like? P. 20.

¹⁷ Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. № 1(64). С. 84.

от него – к допустимости наказания, а также того, чтобы противостояние агрессору сопровождалось потерями тех, кто ни на кого не покушается. Кстати, Г.Э.М.Энском, являясь нормативным философом с твердыми католическими убеждениями, сама находится внутри этого процесса, поскольку считает морально допустимыми самооборону, справедливую войну и даже сопутствующее поражение военных целей убийство гражданских лиц в ходе такой войны. В результате обрисованного выше вынужденного отступления возникает особая, абсолютистская (деонтологическая) этика применения силы. Она может опираться на разные критерии, однако в данной статье я хотел бы проанализировать только один из них – доктрину двойного эффекта.

Краткая история доктрины двойного эффекта

По общему убеждению, истоки доктрины двойного эффекта восходят к моральной теологии Фомы Аквинского, прежде всего к его рассуждению об оправданности индивидуальной самозащиты (самообороны). В «Трактате о правосудности», входящем во вторую часть второй части «Суммы теологии», Фома Аквинский ставит проблему о законности убийства. Он утверждает, в частности, что в отношении «человека как такового» любое убийство является незаконным, поскольку «в любом человеке... мы должны любить сотворенную Богом природу, которая уничтожается убийством»¹⁸. Однако в отношении конкретного «грешника» оно может быть законным. При этом законность самозащиты (самообороны) Фома обосновывает не в перспективе общественной необходимости применения смертельно опасной силы (как это происходит с обоснованием пресечения агрессивных действий членов общества государственными институтами), а в перспективе преднамеренности и непреднамеренности причинения ущерба, в данном случае причинения смерти. Фома утверждает, что «убийство злодея законно, поскольку оно определено к благополучию всего общества, и потому совершать его надлежит только тому, кому поручено оберегать благополучие

¹⁸ См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 47–122.* Киев, 2013. С. 216.

общества»¹⁹. Однако самозащита (самооборона) частных лиц выступает в качестве исключения из этого правила. Полемизируя с Августином, считавшим, что лишь «исполняющий свой гражданский долг солдат» имеет право «отбиваться от противника», Фома полагает, что действия обороняющего свою жизнь частного лица тоже оправданны, поскольку могут рассматриваться как *непреднамеренное* причинение ущерба. Он вводит предположение, что «у одного акта может быть два следствия, одно из которых преднамеренно, а другое – не преднамеренно»²⁰. Оценка действия, его нравственное качество определяются только в связи с намеренно причиняемыми следствиями. В случае самозащиты (самообороны) мы имеем акт, «проистекающий из доброго намерения» (намерения спасти свою жизнь), но имеющий также непреднамеренное следствие – «убийство покушающегося на нее». Превышение пределов необходимой самозащиты (самообороны) делает акт «неадекватным цели»²¹. Отсюда можно сделать вывод, что оно указывает на наличие иных целей и, значит, на преднамеренный характер убийства.

Мысль Фомы о том, что «законным правом убить человека при самозащите преднамеренно обладает» только тот, кто наделен соответствующими полномочиями (сражающийся солдат или борющийся с грабителем служитель судьи), предполагает разные интерпретации. Возможно, что речь идет о смерти, случайно наступающей в связи с действиями, призванными лишь остановить покушающегося²². Возможно, что речь идет о таких действиях, при которых смерть покушающегося может наступить или не наступить в зависимости от обстоятельств, то есть создающих риск смерти. Вторая версия более вероятна, однако практический смысл критерия оказывается при этом внутренне противоречив, поскольку сложно представить себе, чтобы при столкновении вооруженных людей риск убить другого человека не сменялся бы с определенного момента точным знанием того, что следующий удар будет смертелен для противника. Если это так, то введение убийства в

¹⁹ См.: *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 47–122. С. 201.

²⁰ Там же. С. 218.

²¹ Там же. С. 219.

²² См.: *Kenny A.* The Anatomy of the Soul: Historical Essays in the Philosophy of Mind. Oxford, 1973. P. 140.

целях самозащиты (самообороны) в круг допустимых поступков оказывается мнимым. Современный исследователь доктрины двойного эффекта Т.Кавана попытался преодолеть это противоречие и найти соответствующие позиции Фомы примеры. При самозащите, понимая, что противник более вынослив, частное лицо не может закончить столкновение смертельным ударом меча, а уполномоченный государством агент имеет такое право. Отражая удары противника, частное лицо должно ждать, пока тот не обессилит, и ослаблять его заведомо несмертельными ударами, несмотря на риск собственной жизни²³. Если Т.Кавана правильно раскрывает практический смысл рассуждения Фомы, то тот выдвигает крайне эксцентричный критерий, мало соответствующий любым здравым представлениям о пределах самозащиты (самообороны). Но и более того, возникающая эксцентричность не снимает противоречивости критерия: будет ли такой способ защиты своей жизни «адекватен цели», если его целью является «сохранение себя в бытии» с помощью необходимого для этого применения силы?

В дальнейшем наблюдаются три тенденции развития доктрины. 1. Расширение количества случаев, к которым применяется этот нормативный критерий (принцип двойного эффекта превращается в общий принцип, регулирующий применение силы или – шире – причинение ущерба другому человеку). 2. Прояснение того содержания, которое было имплицитно заложено в рассуждении Фомы. 3. Коррекция некоторых аспектов этого рассуждения.

С начала XVI в. в трудах по моральной теологии разграничение намеренных и ненамеренных последствий переносится во все новые и новые практические контексты. Примечательно, что некоторые из авторов, расширяющих сферу применения принципа, одновременно исключали из нее самооборону, полагая, что применение силы к совершающему несправедливость человеку не требует дополнительных оснований, кроме апелляции к самой совершаемой им несправедливости. У кардинала Каэтана (Томмазо де Вио) возникает рассуждение о допустимости убийства при защите собственности и добродетели. Он же производит сыгравший решающую роль для дальнейшей истории доктрины перенос ее положений на деятельность причиняющего вынужденный ущерб

²³ См.: *Cavanaugh T.A. Double-Effect Reasoning: Doing Good and Avoiding Evil. Oxford, 2006. P. 7, 10.*

врача, а также на случаи лишения жизни людей, не совершающих покушений. Примером выступает суд над человеком, о невиновности которого судья знает как частное лицо, но, выполняя правила судебного процесса, не имеет возможности представить на нем свое частное знание. Осуждение и смертная казнь такого подсудимого оказываются допустимым ненамеренным следствием действия судьи²⁴.

У Ф. де Витории обсуждение возможности оправдать применение смертельно опасной силы к невиновным людям на основе логики двойного эффекта переносится в военный контекст. Ф. де Витория задается вопросом о законности убийства солдата противника в справедливой войне, если этот солдат действует на основе обязанности перед отечеством и уверен в том, что справедливость на его стороне. Ответом служит утверждение, что такое убийство будет ненамеренным, а значит, законным²⁵. Затем он обсуждает законность убийства женщин и детей в ходе военных действий. И приходит к выводу, что ненамеренным оно будет лишь тогда, когда является следствием использования осадных машин, ведущего к разрушению городских стен и домов²⁶. У богословов-кармелитов из Саламанки, создавших в течение XVII – начала XVIII вв. многотомный учебный курс теологии (*Cursus Theologicus*), формулировки, соответствующие концепции двойного эффекта, представлены в виде общего правила. Однако это имеет место лишь в той части данного курса, которая принадлежит перу Д. де Ста Тересы (трактат «*De peccatis*»). В изложении основ моральной теологии это правило отсутствует²⁷.

²⁴ См.: *Mangan J. A Historical Analysis of the Principle of Double Effect // Theological Studies. 1949. Vol. 10. P. 53–54. У Фомы есть как недвусмысленное заявление, что «убийство невинного незаконно всегда», так и обсуждение той же ситуации, заканчивающееся выводом о допустимости смертного приговора. Однако он не помещает его в контекст выявления намеренных и ненамеренных следствий (Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 47–122. С. 215–217, 248–250). Следует иметь в виду, что эта ситуация существенно отличается от обсуждающегося в современной литературе случая осуждения невинного ради интересов сообщества, которая плохо поддается интерпретации в категориях доктрины двойного эффекта.*

²⁵ *Fracisco de Vitoria. Reflection on Homicide. Commentary on Summa Theologiae II–II Q. 64. Milwaukee: Marquette University Press, 1997. P. 189.*

²⁶ *Ibid. P. 191.*

²⁷ *Mangan J. A Historical Analysis of the Principle of Double Effect. P. 58.*

Прояснение содержания 7 пункта 64 вопроса части II–II «Суммы теологии» касалось прежде всего уточнения условий непреднамеренности дурных следствий стремления к благой цели. Кардинал Каетан прямо провозгласил, что лишение жизни покушающегося в ходе законной самообороны выступает в качестве необходимого следствия защиты жизни, не являясь при этом ни целью действия, ни даже средством для достижения этой цели²⁸. У позднейших авторов данная мысль получает практическое разъяснение, касающееся причинно-следственной структуры ситуации. Так по утверждению Д. де Ста Тересы, «законно привести в действие причину... дурного следствия, если пропорциональное по своей значимости благое следствие будет следовать в равной мере непосредственно (здесь и далее курсив мой. – А.П.) из той же причины или предшествовать дурному следствию»²⁹. Только в этом случае дурное следствие не является причиной благого, а значит и средством его достижения. Еще одним важным дополнением к рассуждению Фомы является введение развернутых критериев достаточной необходимости действий, влекущих двойные следствия. Д. де Ста Тереса полагал, что вынуждающая допускать дурные следствия необходимость должна быть тем большей, чем большее зло представляет собой то, что допускается, чем с большей точностью можно утверждать, что дурные следствия возникнут, чем меньше способов предотвратить дурные следствия, если причина уже приведена в действие³⁰.

Наконец, у позднейших комментаторов Фомы возникает поправка к его мнению о том, что ненамеренность имеет место только в том случае, когда сохраняется неопределенность в вопросе о наступлении дурных следствий. Из того, что кардинал Каетан переносит логику двойного эффекта на случай с судьей, явно следует, что он этого условия не принимает: судья выносит приговор, точно зная, что приговоренный будет казнен. Ф. де Витория возвращает обсуждение вопроса в контекст самообороны. Он понимает, что есть ситуации, в которых имеет место именно создание риска для жизни покушающегося (например, идет схватка, в которой менее опасные для жизни противника действия сменяются более опас-

²⁸ Mangan J. A Historical Analysis of the Principle of Double Effect. P. 52.

²⁹ Цит. по: Ibid. P. 57.

³⁰ См.: Ibid. P. 58.

ными и нельзя понять, будет ли очередной удар смертельным), и ситуации, где необходимость убийства для самообороны очевидна сразу. Если у обороняющегося нет другого оружия, кроме аркебузы, ему точно известно, что он убьет нападающего. Однако причинение смерти в этом случае не становится намеренным действием, поскольку не является целью обороняющегося. Его действия законны в силу того, что в этих условиях убийству нападающего не было альтернативы³¹. Д. де Ста Тереса прямо оформляет эту мысль в виде общей формулировки: «Хотя дурное следствие может быть предвидено, оно может при этом не входить в намерения»³².

Формализация результатов процесса становления доктрины двойного эффекта осуществляется создателями компендиумов XIX в. Ж.П.Гюри придает принципу двойного эффекта фундаментальную для моральной теологии роль и дает суммированную формулировку условий, в которых дурные следствия всего лишь допускаются деятелем, но не причиняются намеренно. «Допустимо привести в действие благую или морально безразличную причину, из которой проистекает двойное следствие, одно – благое, другое – дурное, если налицо пропорциональное по своей значимости основание, цель действующего лица является честной, и благое следствие проистекает именно из [благой или морально безразличной] причины, а не опосредствовано причинной дурной»³³. Последний пункт Ж.П.Гюри интерпретирует в свете недвусмысленного осуждения апостолом Павлом формулы: «делать... зло, чтобы вышло добро» (Рим.: 3:8). Ближайшие наследники Ж.П.Гюри обращают внимание не только на причинную, но и хронологическую последовательность результатов действия (дурное следствие не должно предшествовать благому), а также интерпретируют «пропорциональное основание» как наличие ситуации, в которой благие последствия «перевешивают» дурные.

³¹ *Francisco de Vitoria*. Reflection on Homicide. Commentary on Summa Theologiae II-II Q. 64. P. 195.

³² Цит. по: *Mangan J.* A Historical Analysis of the Principle of Double Effect. P. 57.

³³ Цит. по: *Kaczor Ch.* Double-Effect Reasoning from Jean Pierre Gury to Peter Knauer // *Theological Studies*. 1997. Vol. 59. № 2. P. 31.

Нормативное содержание и уязвимые места доктрины

На настоящий момент классической считается формулировка доктрины двойного эффекта из «Новой католической энциклопедии». Она соединяет четыре условия моральной допустимости действия, ведущего к дурным последствиям и в силу этого похожего на нарушение абсолютного запрета. Во-первых, действие должно быть моральным или нравственно безразличным. Во-вторых, дурное следствие действия предвидится и вызывается в связи с безвыходностью ситуации, но не является прямым предметом воления. В-третьих, благие следствия порождены самим действием, а не его дурными следствиями. В-четвертых, благие следствия достаточно желательны, чтобы можно было допустить дурные следствия³⁴.

В дискуссиях о содержании этого критерия первый и второй пункт получают комбинированную интерпретацию. Намеренность/ненамеренность дурных следствий (их включенность в число предметов «воления» или в замысел (план) поступка) определяется именно посредством анализа причинных связей. В замысел поступка входит лишь то, что ведет к достижению цели (то есть благим следствиям), а не то, что сопутствует их достижению. Однако если дурные следствия выступают причиной возникновения благих, то они уже не сопутствуют достижению цели, а сами являются промежуточной целью деятеля и, значит, «замыслены» им.

Г.Э.М.Энском в своем споре с консеквенциализмом отстаивает именно эту позицию, считая проявлением «философской поверхностности» тот тезис, что в «вопросе об ответственности человека за те последствия его действий, которые он мог предвидеть, не имеет никакого значения то обстоятельство, что он при этом не стремился к их достижению [did not intend it]»³⁵. При этом следует иметь в виду, что «проведение различия между предвидимыми и намеренными последствиями», обсуждаемое ею, выступает не

³⁴ *Connell F.J.* Double Effect, Principle of // *New Catholic Encyclopedia*. N. Y., 1967. Vol. 4. P. 1020–1022.

³⁵ Энском Э. Современная философия морали. С. 81. В период, когда была написана эта работа, Г.Э.М.Энском была сторонницей классического понимания доктрины двойного эффекта (см.: *Rowie E.* *Reevaluating the Historical Evolution of Double Effect: Anscombe, Aquinas, and The Principle of Side-Effects* // *Studies in the History of Ethics*. 2006. Vol. 2. P. 21).

только в качестве оружия против консеквенциализма, но и в качестве средства противостояния «форсированно абсолютистским» интерпретациям запрета на применение силы. Оно позволяет не принимать во внимание потери людей, которые влечет за собой исполнение запрета, но одновременно позволяет переqualифицировать некоторые способы сознательной инициации смерти, увечья, страдания в морально допустимые. Сторонник этики ненасилия, например, легко согласился бы с общей формулировкой Г.Э.М.Энском, что человек «не отвечает за плохие последствия хороших действий», но применял бы ее исключительно к последствиям воздержания от применения силы, мотивируя это тем, что в этом случае «плохие последствия» являются результатом воли других людей (агрессоров) или безличных обстоятельств. А вот в отношении самого применения силы он проявлял бы ту же самую «поверхностность», что и консеквенциалист, рассматривая любое предвидимое следствие ее применения (страдание, увечье, смерть) в качестве намеренного, а значит – влекущего осуждение.

Для иллюстрации связи между намеренностью действия и причинно-следственной структурой ситуации сторонниками концепции двойного эффекта используется так называемый «контрфактуальный тест». Он предполагает выяснение того, о чем свидетельствовала бы для действующего лица информация о том, что дурные следствия его действий не наступили. Если она свидетельствует о неудаче его поступка (о ненаступлении благих следствий), то дурные следствия входили в его намерение. Если о том, что поступок оказался удачен, но не обременен вызывающими моральное сожаление событиями, то дурные следствия имели к его намерениям лишь косвенное отношение³⁶.

В современных обсуждениях доктрины двойного эффекта она часто приобретает кантианское звучание. Намеренное причинение вреда другому человеку оказывается тождественным его *использованию*, оно всегда хуже ненамеренного и запрещено даже в тех случаях, когда дурные следствия перевешиваются благами. Как замечает Э.Куинн, при нарушении принципа двойного эффекта

³⁶ См.: *Duff R.A. Intention, Agency and Criminal Liability: Philosophy of Action and the Criminal Law. Oxford, 1990. P. 61–63; Donagan A. Moral Absolutism and the Double-effect Exception: Reflections on Joseph Boyle's «Who is Entitled to Double Effect?» // Donagan A. Reflections on Philosophy and Religion. N.Y., 1999. P. 128.*

жертва превращается в «материал, которому избирательно придается форма деятельностью [другого человека]»³⁷. А Дж.Грайзек указывает в этой связи на то, что включение потери жизни другим человеком в замысел или в план действия означает, что неизмеряемое достоинство этого человека превращается в измеряемую, конечную ценность³⁸.

В отношении к проблеме применения силы доктрина двойного эффекта используется в трех практических контекстах.

1. *Самооборона*. Допустимое причинение вреда нападающему в ходе самообороны доктрина двойного эффекта позволяет отграничить от двух иных ситуаций, в которых причинение вреда другому человеку является недопустимым. Таковы воздаяние агрессору, который уже завершил свое нападение, если оно осуществляется частным лицом, а также использование человека, не являвшегося агрессором, в качестве средства спасения от нападения или иной угрозы (парадигмальный пример – убить другого человека для того, чтобы самому спастись от голодной смерти). И в первом, и во втором случае благие следствия опосредствуются причинением ущерба. Контрфактуальный тест подтверждает это. Например, мститель нуждается в страдании или смерти своего обидчика. Если он узнает, что тот не пострадал, это вызовет у него разочарование, то есть признание неудачи замысла. Отсюда следует, что вред причиняется им намеренно³⁹. Человек, который спасает себя, жертвуя при этом другим, также опосредствует свое спасение его гибелью. Информация о том, что другой человек остался в живых, будет свидетельствовать о том, что цель действия не достигнута. Отсюда следует, что убийство является намеренным. Пропорциональность в ситуации самообороны обеспечивается либо апелляцией к виновности агрессора, либо апелляцией к тому, и то собственная жизнь имеет для ее обладателя больший вес, чем жизнь другого.

³⁷ *Quinn W.S. Actions, Intentions, and Consequences: The Doctrine of Double Effect // Philosophy and Public Affairs. 1989. Vol. 18. № 4. P. 348.*

³⁸ *Grisez G. Toward a Consistent Natural-Law Ethics of Killing // American Journal of Jurisprudence. 1970. Vol. 15. P. 76.*

³⁹ Наказание со стороны государства при этом рассматривается как имеющее иные нравственные основания или ту же доктрину двойного эффекта, но переформулированную в категориях коллективной самообороны (см., напр: *Grisez G. Toward a Consistent Natural-Law Ethics of Killing. P. 91*).

2. *Спасение жизней большинства за счет причинения вреда меньшинству.* Доктрина двойного эффекта позволяет отграничить случай допустимого причинения смерти, который представлен в мысленном эксперименте Трамвай, от случая, который представлен в мысленном эксперименте Мост и находится за границами морально допустимых действий. В первом случае можно спасти пятерых человек, перенаправив потерявший управление трамвай с помощью стрелки в сторону одного человека. Во втором случае спасти пятерых от той же угрозы можно, только сбросив с моста одного человека под колеса трамвая, что приведет в действие систему автоматического торможения. Применение контрфактуального теста показывает, что в случае Трамвай информация о том, что один человек, находящийся по ту сторону развилки, не погиб, свидетельствует о том, что замысел поступка (спасение пятерых) реализован, но без негативных последствий. В случае Мост, напротив, информация о том, что один человек не погиб (то есть остался на мосту), означает, что замысел потерпел неудачу (пятеро человек погибли). Пропорциональность определяется простым суммированием количества потерянных и сохраненных жизней.

3. *Причинение вреда гражданскому населению в ходе военных действий.* Доктрина двойного эффекта позволяет отграничить недопустимые устрашающие бомбардировки невоенных объектов и допустимые стратегические бомбардировки, при которых целью является какой-нибудь военный объект, но его разрушение невозможно без сопутствующих потерь среди гражданского населения. Гибель гражданских лиц в первом случае оказывается причинно необходимой для достижения психологического эффекта, который может сломить волю противника к сопротивлению. И это значит, что смерть причиняется намеренно. Во втором случае способность противника к сопротивлению уменьшает разрушение военных объектов, а не гибель гражданских лиц. Инициаторы бомбардировки не заинтересованы ни в чем ином, кроме поражения военных целей. И это значит, что невоенные потери лишь сопутствуют их действиям. Оба вывода легко подтверждаются с помощью контрфактуального теста. Перевес благих следствий бомбардировки над дурными в данном случае определяется: а) справедливостью вступления атакующей стороны в войну; б) соблюдением ею принципа пропорциональности ведения военных действий.

Несмотря на то, что разграничение между «средствами» и «побочными следствиями», на котором построена доктрина двойного эффекта, играет существенную роль в рамках живого морального опыта⁴⁰, эта нормативная концепция сталкивается с серьезными проблемами.

Прежде всего она противоречит некоторым другим факторам, определяющим интуитивные моральные оценки и сохраняющим свое значение на уровне нормативной этической теории. Так, доктрина двойного эффекта требует воздерживаться от предотвращения ущерба даже тогда, когда и те, кого спасают, и те, чьи потери необходимы для спасения, находятся под явной и неотвратимой угрозой. Иными словами она запрещает причинять ущерб тому, кто понес бы ущерб независимо от внешнего вмешательства. Представим себе, что у американских сил ПВО существовала возможность уничтожения самолета, готового врезаться во Всемирный торговый центр, где-то над океаном или над пустыней. С точки зрения обсуждаемой доктрины такие действия были бы абсолютно недопустимы. Это означает, что она легко превращается в аналог знаменитого самопротиворечивого правила: «пусть свершится справедливость, хотя бы разрушился весь мир»⁴¹.

Вторая проблема связана с принципиальной неопределенностью разграничения намеренного и ненамеренного в поведении человека. Дробление предвидимых последствий на намеренные и ненамеренные делает границу абсолютизма с консеквенциалистской или ситуационистской позицией призрачной. В конкретных этически значимых случаях критерий ненамеренности легко размывается, и это создает возможности для манипулирования им.

⁴⁰ Huebner B., Hauser M.D., Pettit Ph. How the Source, Inevitability and Means of Bringing About Harm Interact in Folk-Moral Judgments // *Mind & Language*. 2011. Vol. 26. № 2. P. 228.

⁴¹ Исследователи «морального чувства» ведут в этой связи речь о том, что порождаемые им суждения ориентированы на исполнение принципа Парето, санкционирующего те решения, которые улучшают положение одних людей, не ухудшая положение других (Ibid. P. 229). Трудности доктрины, связанные с ее противоречием этому принципу, артикулированы Ф.Фут по отношению к проблеме аборта, однако легко могут быть перенесены в контекст дискуссий о моральной оправданности применения силы (см.: *Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Foot P. Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Oxford, 2002. P. 19–31).

В связи с этим круг допустимых убийств, а также случаев причинения увечий и страданий может расширяться далеко за пределы границ, предполагаемых сторонниками доктрины двойного эффекта. Например, «добрый патер» из «Писем к провинциалу» Б.Паскаля пытался на ее основе оправдать дуэль, выдавая последнюю за самооборону. Вызванный на дуэль дворянин не может не прибыть на место поединка, но не потому что у него есть намерение драться, а потому что он не хочет проявить трусости. В намерении пойти погулять в поле в ожидании другого человека нет ничего предосудительного и нет ничего предосудительного в намерении защитить свою жизнь от нападения того человека, которого ты там ожидал. На месте поединка дуэлянт может применять ровно столько силы, сколько требуется для защиты своей жизни. И это как будто бы освобождает его от обвинения в убийстве (смерть противника выступает как ненамеренное дурное следствие)⁴². Однако дело в том, что в момент возникновения конфликта у оскорбленной стороны не было никакой необходимости прибегать к смертельно опасным для другого действиям.

В иных случаях применения силы тенденция к размыванию критерия ненамеренности проявляется еще более убедительно, чем в рассуждении паскалевского патера о дуэли. Например, в мысленном эксперименте Мост спасителю пятерых человек нужна не гибель невинного, а падение тяжелого тела под колеса трамвая. Если бы жертва была в специальной сверхтвердой капсуле, то спаситель считал бы свой план удавшимся, несмотря на отсутствие жертв. Таким образом, возникает описание действия, в котором смерть человека не предшествует спасению, а причинно следует за событием, которое его обеспечило. Спаситель намеревается остановить трамвай посредством перемещения тяжелого тела на рельсы, и это действие (событие) влечет за собой, во-первых, смерть одного человека, во-вторых, спасение пятерых. В случае устрашающей бомбардировки складывается похожая ситуация. Для достижения цели бомбардировщику нужна не гибель гражданских лиц, а реакция руководства и населения вражеской страны на правдоподобную о ней информацию. Если такая информация будет распространена и вызовет действие, а люди спасутся в бомбоубежищах или по случайности бомбометание окажется неточным, то стратегический

⁴² См.: Паскаль Б. Письма к провинциалу. Киев, 1997. С. 144–145.

бомбардировщик будет считать это наилучшим исходом. Но так как этого не происходит, ему приходится устрашать руководство и население врага с помощью действительных убийств. Даже индивидуальная месть может получить благоприятное в свете доктрины описание. Ведь мститель мог бы удовлетвориться тем, что объект мести накажет себя сам, к примеру, совершит самоубийство, осознав тяжесть содеянного. Он мог бы даже предложить своему врагу такую альтернативу перед применением силы. Однако в случае отказа и, значит, вопреки намерению мстителя причинение смерти другому человеку своими собственными руками окажется для него единственным способом реализации цели воздаяния (в данном контексте она априори рассматривается как морально оправданная). Тогда за пределами допустимого окажется лишь тот мститель, для которого собственноручное убийство другого выступает в качестве обязательной составляющей воздаяния⁴³.

Подобной неопределенности можно было бы избежать, если бы запрет на применение силы абсолютизировался без попыток компромисса с общераспространенным нравственным опытом. Другими словами, если бы абсолютисты строго держались упоминавшейся выше формулы: ты отвечаешь за все, что причинил, если мог или должен был предвидеть результат своего действия, а за то, что не предотвратил, исполняя запрет, не отвечаешь. Вне такой позиции граница намеренного и ненамеренного превращается из *качественной* в *количественную*, в границу, определяющуюся большей или меньшей близостью дурных последствий к замыслу поступка. А это напрямую препятствует реализации проекта создания абсолютистской (деонтологической) этики силы. Зато консеквенциалистским или ситуационистским подходом к вопросу о применении силы тезис о количественном разграничении между намеренным и ненамеренным в человеческой деятельности ассимилируется довольно просто, хотя такая ассимиляция и придает ему некоторые дополнительные измерения. А именно: пытаюсь определить с допустимостью применения силы в каком-то конкретном случае, консеквенциалистски рассуждающий моральный деятель должен учитывать не только масштаб предотвращенного и причиненного вреда, но иные соображения, в том числе – способ

⁴³ Данный аргумент против доктрины двойного эффекта был предложен Дж.Беннетом (см.: *Bennett J. The Act Itself*. Oxford, 1998. P. 110–111).

его причинения. Более тесно связанные с намерением последствия он должен оценивать как более тяжелые, а теряющие непосредственную связь с ним – как менее тяжелые, даже если взятые сами по себе они совершенно идентичны.

Библиография

Апресян Р.Г. Свобода в справедливости // Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень, 2006. С. 33–56.

Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии // Вопр. философии. 2010. № 9. С. 143–153.

Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Р.Г.Апресяна / Отв. ред. О.В.Артемьева, А.В.Прокофьев. М., 2013. С. 24–78.

Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 3–12.

Гусейнов А.А. Ответ на вопрос «Что такое мораль?» // Мораль: многообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А.Гусейнова / Отв. ред. О.П.Зубец. М., 2014. С. 282–288.

Паскаль Б. Письма к провинциалу. Киев: Port Royal, 1997.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 47–122. Киев: Ника-Центр, 2013.

Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. № 1(64). С. 70–91.

Bennett J. The Act Itself. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Cavanaugh T.A. Double-Effect Reasoning: Doing Good and Avoiding Evil. Oxford: Clarendon Press, 2006.

Connell F.J. Double Effect, Principle of // New Catholic Encyclopedia. Vol. 4. N.Y., 1967. P. 1020–1022.

Duff R.A. Intention, Agency and Criminal Liability: Philosophy of Action and the Criminal Law. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

Donagan A. Moral Absolutism and the Double-effect Exception: Reflections on Joseph Boyle's "Who is Entitled to Double Effect?" // *Donagan A.* Reflections on Philosophy and Religion. N.Y., 1999. P. 127–138.

Finnis J. Moral Absolutes: Tradition, Revision, and Truth. Washington (DC): Catholic University of America Press, 1991.

Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // *Foot P.* Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy. Oxford, 2002. P. 19–32.

Fracisco de Vitoria. Reflection on Homicide. Commentary on Summa Theologiae II–II Q. 64. Milwaukee: Marquette Univ. Press, 1997.

Grisez G. Toward a Consistent Natural-Law Ethics of Killing // American Journal of Jurisprudence. 1970. Vol. 15. P. 64–96.

Huebner B., Hauser M.D., Pettit Ph. How the Source, Inevitability and Means of Bringing About Harm Interact in Folk-Moral Judgments // Mind & Language. 2011. Vol. 26. № 2. P. 210–233.

Kaczor C. Double-Effect Reasoning from Jean Pierre Gury to Peter Knauer // Theological Studies. 1997. Vol. 59. № 2. P. 297–316.

Kenny A. The Anatomy of the Soul: Historical Essays in the Philosophy of Mind. Oxford: Basil Blackwell, 1973.

Mangan J. An Historical Analysis of the Principle of Double Effect // Theological Studies. 1949. Vol. 10. P. 41–61.

Quinn W.S. Actions, Intentions, and Consequences: The Doctrine of Double Effect // Philosophy and Public Affairs. 1989. Vol. 18. № 4. P. 334–351.

Rowie E. Reevaluating the Historical Evolution of Double Effect: Anscombe, Aquinas, and The Principle of Side-Effects // Studies in the History of Ethics. 2006. Vol. 2. P. 1–34.

Waldron J. What Are Moral Absolutes Like? // Harvard Review of Philosophy. 2012. Vol. 18. № 1. P. 4–30.